

Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

РОССИЙСКОЕ *ГЕТТО*: ВООБРАЖАЕМАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ НОВЫХ ЖИЛЫХ РАЙОНОВ¹

Любовь Алексеевна Чернышева, научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; аспирант Амстердамского университета; Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

На окраинах крупных российских городов с середины 2000-х годов растут районы новостроек, многие из которых реализованы по программе комплексного освоения территорий. В массмедиа и публичных дискуссиях новые жилые районы критикуют за множество проблем, связанных с социальной и транспортной инфраструктурой, высотностью зданий и качеством общественных пространств. Медиа и эксперты по развитию городской среды используют применительно к периферийным жилым комплексам в больших городах категорию «гетто», указывая на уже существующие проблемы и предполагая перспективы деградации подобных территорий, ассоциируя их с западными модернистскими жилыми комплексами, которые постигла печальная судьба стать районами с «плохой репутацией». В статье рассматривается появление и трансформация академического понятия «гетто», а также анализируются практики производства новых периферийных жилых районов как *гетто* (в локальном значении) на примере исследования жилого комплекса «Северная долина» (Парнас) в Санкт-Петербурге. Автор показывает, как возникает *imarginality*, или воображаемая маргинальность жилого района, которая аналитически может быть представлена через два связанных воображения — *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем*. В статье подробно рассматриваются их компоненты, созданные медиа и экспертами по городскому развитию. Исследование показывает, что воображение *гетто-в-настоящем* не имеет эмпирических оснований в случае ЖК «Северная долина». В статье также рассмотрены перформативные эффекты функционирования категории *гетто*: воображаемая маргинальность (*imarginality*), которая формируется вокруг жилого района, может «действовать» и в том числе приводить в движение механизмы, которые заложены в описываемом процессе *геттоизации*.

Ключевые слова: гетто; геттоизация; маргинальность; городская периферия; жилье; новое жилое строительство

Цитирование: Чернышева Л.А. (2019) Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // Городские исследования и практики. Т. 4. № 2. С. 37–58. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201937-58>

Благодарность

Благодарю Лилию Воронкову, Эльвиру Гизатуллину, Анастасию Головневу, Екатерину Кораблеву, Олега Паченкова, Ирину Широкову, а также анонимных рецензентов журнала за ценные идеи и комментарии к черновику этого текста.

Введение

В начале августа 2016 года на сайте известного российского блогера Ильи Варламова была размещена серия материалов, которая познакомила широкую аудиторию с новым районом на севере Санкт-Петербурга. Варламов совершил небольшую прогулку по жилому комплексу «Северная долина» и сделал несколько фотографий. Результаты этого экспресс-визуального анализа он представил следующим образом: «Похоже, комплексы второй столицы перевесили здравый смысл и в Питере создали самый плохой жилой район в России!»; «Запомните его, это будущее легендарное гетто Питера» [*Новые районы Питера...*, 2016].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-511-76001 «Жилье в постсоциалистических городах после трансформации» (конкурс ЭРА_а).

К моменту публикации этих материалов эксперты в области городского развития уже неоднократно критиковали крупные многоэтажные жилые районы на окраинах города. С середины двухтысячных — времени появления этой городской формы — их строительство достигло внушительных размеров²: на границе Петербурга и Ленинградской области выросли районы Парнас, Мурино, Кудрово, Бугры, Шушары и другие. Российские медиа транслируют высказывания экспертов, в разной форме предлагая один и тот же тезис: новые крупные жилые комплексы на окраинах больших городов — это не просто спальные районы, не просто жилье низкого качества со скудной городской средой, проблемной транспортной и социальной инфраструктурой, но настоящие и будущие *гетто*. Эта категория все сильнее проникает в повседневный язык как синоним районов новостроек: общим местом становится понимание того, что «одна из главных ошибок Санкт-Петербурга — строительство гетто вокруг кольцевой дороги» [Трофимова, Сахарова, 2018].

С одной стороны, подобная критика не уникальна и продолжает линию рассуждений о модернистском массовом жилье как абстрактной городской форме [Джекобс, 2015; Newman, 1972; Newman, Franck, 1982]. Эти рассуждения представляют ошибкой саму идею массового жилого строительства, воплощенного в типовых многоэтажках — жилых комплексах, выросших во множестве европейских и американских городов в середине XX века. Районы массового жилья, по мнению критиков, обречены переживать «Великое несчастье скуки» [Джекобс, 2015, с. 54] и деградировать. Архитектурным решениям, материалам, формам, способам планирования пространства отводится роль «виновников» в геттоизации американского Прюит-Айгоу [Bristol, 1991] и других подобных случаях, когда модернистские жилые районы становились настолько неблагоприятными, что городским властям даже приходилось расселять и уничтожать их. Полвека спустя мы видим, как вокруг новых жилых районов российских городов разворачивается аналогичная риторика геттоизации.

С другой стороны, насколько именно категория «гетто» адекватна для анализа конкретных российских кейсов? Гетто — популярное понятие, пришедшее из исследований городов Северной Америки сначала в Европу, а затем распространившееся по всему миру: там, где

обнаруживалось пространственное выражение неравенства, появлялась и категория гетто. Однако «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»: североамериканские гетто отличаются и от французских *banlieue* [Wacquant, 2008a], и от неблагополучных этнически гомогенных районов Восточной Европы [Kovács, 1998]. Учитывая, что универсальность категорий, предложенных в рамках исследований «западных» городов, неоднократно подвергалась критике (см., например: [Krause, 2016]), можно ли (и стоит ли) говорить о «гетто» в постсоциалистическом городе — в ином политическом контексте, в условиях иной культуры жилища, доминирующих форм собственности и городской сегрегации, нежели в «модельных» западных городах?

В академической литературе понятие «гетто» критикуют за то, что оно является скорее категорией моральной оценки, чем аналитически значимой категорией [Blokland, 2008]. Оно не отражает процессы городской сегрегации [Small, 2008], скрывая многообразие процессов, в которых конструируются границы и артикулируется неравенство [Blokland, 2008]. Подобную критику можно адресовать и экспертам, которые обращаются к понятию «гетто» для анализа новых жилых районов в России. Они рассматривают его как факт, как универсальную объективную характеристику, схватывающую социально-демографические и морфологические характеристики городских территорий, не уделяя внимание детальному исследованию мест, к которым они применяют эту категорию.

Альтернативный подход — обратить внимание на процессы, разворачивающиеся вокруг новостроек, учесть в анализе этих процессов то, каким значением наполняется понятие *гетто*³ на практике (в конкретном кейсе) и какую роль в этих процессах играют дискурсивные практики экспертов, связанные с названием района. Иными словами, что бы ни стояло за понятием «гетто» в академическом языке социологов города или в публичном дискурсе европейских стран, в современной России категория *гетто* формирует свою собственную реальность и устанавливает особый феномен. Я рассматриваю российское *гетто* не как

2 В Петербурге за 2010 год ввели в эксплуатацию около 2 млн кв. м жилья, а за 2018-й — уже почти 4 млн кв. м (по данным Петростата).

3 Здесь и далее я разделяю гетто и *гетто* (курсивом) как два разных феномена. Первая категория связана с академической практикой, вторая — с обозначением локального петербургского (российского) феномена, используемого российскими экспертами в области развития городов, СМИ и горожанами.

факт (matter of fact), но как проблему (matter of concern) [Latour, 2004], то есть хочу избежать преждевременной «натурализации» этого феномена, использования его как объективной универсальной данности. В этом исследовании российское *гетто* — результат работы ситуативно возникающих сетей отношений [Latour, 2004]. Поскольку феномен «не предшествует повседневным практикам, в которых мы с ним взаимодействуем, а, скорее, формируется в рамках этих практик» [Mol, 1999, p. 75], новый жилой район в Петербурге, о котором идет речь в этой статье, не репрезентируется концептом «гетто», а существует в форме *гетто* в тех практиках, в которые оказывается вовлечен. Таким образом, «реальность совершается и исполняется, а не наблюдается» [Mol 1999, p. 77], то есть *гетто* в Петербурге не существует само по себе, но становится таковым в многообразии практик, разворачивающихся вокруг него.

Задача этой статьи — показать, как в современном русскоязычном пространстве складывается и работает категория *гетто*, какую городскую реальность устанавливает ее использование применительно к новому жилому строительству, а также то, как понимают и практикуют *гетто* в Петербурге жители города, медиа и эксперты по городскому развитию. Статья основана на полевых материалах, собранных мною индивидуально и в команде проекта «Живые массивы»⁴ с 2016 по 2019 год. Это серия интервью, наблюдений, а также материалы СМИ и цифровой этнографии онлайн-сообществ «ВКонтакте», собранные в рамках исследования одного из новых районов Петербурга — жилого комплекса «Северная долина», известного как вернакулярный район Парнас. Район неоднократно критиковали с момента начала его строительства в 2009 году, а с середины 2010-х у него диагностировали *геттоизацию* — равно как и у других подобных периферийных районов (Мурина, Шушар и других расположенных на границе Санкт-Петербурга и Ленинградской области).

Помимо анализа дискурсивных практик, связанных с *геттоизацией*, я представляю результаты исследования, которые ставят под сомнение релевантность категории *гетто* — в том виде, в каком она фигурирует в российских медиа, — для характеристики ЖК «Северная долина». Один из важных моментов, который я хотела бы подчеркнуть: использование понятия «гетто» и алармистских высказы-

ваний применительно к районам новостроек перформативно [Barad, 2003]. Это значит, что воображаемая маргинальность — *immarginality*, — формирующаяся вокруг жилого района, может «действовать» и в том числе приводить в движение механизмы, которые заложены в описываемом процессе *геттоизации*.

Часть 1. Гетто в социальных науках: трудности определения

Понятие «гетто» само по себе неоднозначно, связано с целым комплексом значений, отсылает к явлениям разных исторических эпох, пространственных феноменов и моральных порядков. Называя районы новостроек *гетто*, российские медиа отсылают, конечно, не к компактным еврейским поселениям в европейских городах, а к тем феноменам, которые складывались в западных городах в послевоенное время. Если оставить в стороне эмоциональную нагрузку понятия и сфокусироваться на его аналитических возможностях, насколько оно применимо к современным российским жилым районам?

Гетто — это исторически значимая, основополагающая категория анализа в городских исследованиях. Классическая работа Луиса Вирта «Гетто» [Virt, 2005], впервые опубликованная в 1927 году, наравне с другими работами представителей Чикагской школы задавала перспективу рассмотрения города как набора сообществ, отдельных территорий, на которых выстраиваются социальные отношения между людьми и формируются особые социоматериальные порядки. Еврейское гетто в европейском городе, параллели с которым проводит Вирт, описывая Чикаго 1920-х годов, стало базовой городской формой, через которую он предлагает осмыслять любые городские сообщества:

Исследование гетто под этим углом зрения обещает пролить свет на множество родственных феноменов, в частности, на происхождение сегрегированных ареалов и развитие локальных сообществ вообще; ибо, хотя гетто является, строго говоря, еврейским институтом, существуют формы гетто, содержащие не только евреев. Наши города содержат Маленькие Сицилии, Маленькие Польши, Чайнатауны и Черные пояса. <...> Силы, лежащие в основе образования и развития этих ареалов, очень похожи на те, которые действуют в гетто [Virt, 2005, с. 179].

4 Подробнее о проекте: <https://www.estatetransition.org/> и <https://vk.com/zhiviemassivy>.

Вирт подчеркивал, что гетто — это институт, и определяется он через производство социальной дистанции, которая складывается между его жителями и «внешним» городом, а также через высокий уровень внутренней организации и социального контроля.

В 1960-е концепт гетто, уже перенесенный из Европы в США, нашел новое воплощение и изменил свое содержание. Начиная с публикации Гилберта Ософски *Harlem: The Making of a Ghetto* [Ososky, 1966] понятие «гетто» стало все больше использоваться для обозначения афроамериканских городских сообществ, то есть закрепилось в поле исследований расы, миграции, городского неравенства и сегрегации [Haynes, Hutchison, 2008]. Гетто стало концептом, призванным обозначить пространственное выражение социального неравенства и указать на «социальную дезорганизацию» и «деградацию» на определенных городских территориях. Гетто — это особый тип городской территории, для которой характерны плохие (и ухудшающиеся) жилищные условия, высокий уровень преступности, депопуляция, социальная изоляция жителей; кроме того, эта сегрегация возникает недобровольно.

Понятие стремительно теряет свою аналитическую силу и превращается лишь в указатель на пространственное выражение социального неравенства [Blokland, 2008]. Альтернативный подход — обращать внимание не на само гетто, а на процессы геттоизации, стоящие за возникновением этого «идеального типа», результата множества взаимосвязанных процессов стигматизации, пространственного вытеснения, экономического упадка и реализации городской жилищной политики [Chaddha, Wilson, 2008]. Талья Блокланд предлагает говорить о гетто как о *состоянии* жилого района, а не «готовой» пространственной единице с определенными характеристиками: «гетто приходят и, надеюсь, иногда уходят, а кварталы остаются» [Blokland, 2008, p. 373]. Лоик Вакан предлагает вернуться к идеям Вирта и понимать гетто как *институт*, вместо того чтобы использовать его для обозначения пространств бедности и «дезорганизации» [Wacquant, 1997]. Вакан подчеркивает расовый характер гетто, культурную однородность и пространственные границы, внутри которых вытесняются люди, маркированные как «низкосортные». Гетто основывается на четырех основных «элементарных формах» расового господства: категоризации, дискриминации, сегрегации и исключительном насилии [Wacquant, 1997]. Жители гетто не за-

щищены экономически, поскольку исключены из сфер труда, предлагающих долгосрочные трудовые контракты [Wacquant, 2007], они не имеют никакой поддержки со стороны местного сообщества и иных институтов (например, церкви) и не могут рассчитывать на социальные связи с соседями. Атомизированные жители гетто испытывают «высочайший уровень физической и социальной незащищенности» [Wacquant, 2008a, p. 5].

Размывание понятия происходит параллельно с его экспансией в исследования неамериканских городов. Дебаты о гетто начались по поводу связи пространственного распределения и расового неравенства в городах США, а затем вышли за пределы и вопросов расы и границ США, став моральной категорией оценки городских территорий. Так, Вакан пишет о моральной панике 1990-х, когда медиа, политики и исследователи стали говорить о геттоизации районов проживания рабочего класса вокруг Парижа по американскому сценарию [Wacquant, 2008b]. И хотя «[в] каждом мегаполисе первого мира существует один или несколько районов или скоплений социального жилья, о которых знают все и которые считают городскими гадюшниками: насилие, аморальное поведение и запущенность в таких местах — в порядке вещей» [Wacquant, 2007, p. 67-68], не любая «продвинутая маргинальность» (advanced marginality), с точки зрения Вакана, равнозначна гетто. В частности, он показывает, что за трансформацией французских и американских сегрегированных районов стоит разная логика [Wacquant, 2008a].

Учитывая специфику генеалогии академического понятия «гетто», легко поставить под сомнение его универсальность и применимость в «незападных» городах. Если появление гетто связано с капиталистической формой производства городского пространства и расовым исключением, можно ли обнаружить такие пространства в городах Глобального Юга или, например, в (пост)социалистических городах? Хотя социалистические формы жилищной политики дискурсивно преследовали цель создания жилищного равенства, в действительности, как показывают исследования [Восленский, 1991; Лебина, 1999; Герасимова, 2000], городская сегрегация все же возникала. Невозможно было победить базовую городскую дихотомию центр/периферия и избавиться от различий в престижности районов [Герасимова, Чуйкина, 2000]. Однако гетто в представленном выше понимании — это лишь одна из форм городской се-

грегации, но не синоним сегрегации вообще. В том смысле, в каком это понятие используют исследователи западных городов, гетто в социалистических городах не формировались: в результате централизованного планирования и распределения ресурсов такие города страдали от социально-экономической сегрегации намного меньше, чем западноевропейские или американские [Tammaru et al., 2015]. Попытки локализовать понятие «гетто» в постсоциалистическом контексте не часто встречаются в литературе. Например, это понятие используется для анализа района проживания цыган, сформировавшегося в Будапеште после распада СССР [Kovács, 1998]. Однако процессы, стоящие за возникновением такого гетто, отличны от тех, что привели к геттоизации районов в США. Если в Будапеште произошло резкое ослабление государственного контроля над рынком жилья и сформировался высококонкурентный рынок труда, то, например, в Чикаго, напротив, за появлением таких районов стояла целенаправленная политика контроля над расовой группой [Урбан, 2019].

От понятия «гетто» можно и вовсе отказаться, как предлагает Марио Смол [Small, 2008]. Он критикует способы описания роли государства в процессах геттоизации, а также считает непродуктивным называть сегрегацию абсолютно недобровольной. Вместо этого Смол предлагает анализировать структуру возможностей выбора горожан и рассматривать государство как множественного актора, а не единого неделимого «виновного» в сложившемся социальном положении жителей района. В этом случае различия между гетто и негетто на концептуальном уровне стираются. Наконец, Смол указывает на то, что исследования гетто часто нерепрезентативны и отражают, скорее, популярные медийные образы, чем реальный повседневный опыт жителей. Так, например, районы, которые называют гетто, далеко не всегда демонстрируют социоэкономическую гомогенность, равно как и дефицит инфраструктур и сервисов, который часто связывают с немногочисленностью представителей среднего класса или отсутствием государственного контроля.

Таким образом, понятие «гетто» из метафоры, идеального типа, высвечивающего аналитически значимые для городской социологии черты сообществ, проделало путь до понятия, выражающего особую пространственно-расовую форму социального исключения, затем потеряло расовый компо-

нент и в итоге подверглось критике за свою претензию на универсальность. Кроме того, в публичной сфере гетто становится не только маркером пространственного выражения различных форм неравенств, но и «моральной категорией», за которой тянется многоуровневый смысловой шлейф европейской истории расизма и холокоста [Blokland, 2008]. В этой ситуации стоит признать его сомнительный аналитический потенциал для анализа современного (постсоветского) города вообще и Петербурга в частности.

Часть 2. Что такое *гетто*: воображаемая маргинальность «Северной долины»

Для дальнейшего анализа я предлагаю концепт воображаемой маргинальности, или *imarginality* (imaginary marginality). Он поможет очертить те процессы, в которые попали новостройки в крупных российских городах. В этой части я покажу, как вокруг конкретной городской локации и социоматериальной организации возникают дискурсивные практики, которые производят ее как территорию маргинальности и неблагополучия, существующую к тому же в разных временных модусах. Это *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем*, прочно связанные, но аналитически разделяемые формы существования, заключенные в один и тот же концепт *гетто* и связанный с ним процесс *геттоизации*.

Петербургское *гетто*: локация и оценки среды

С середины двухтысячных в России стала развиваться новая форма девелопмента, которая получила название «Комплексное освоение территорий» (КОТ). Появление проектов КОТ по времени совпало с введением программы «Доступное и комфортное жилье — гражданам России»: проекты позиционировались как жилье экономкласса, недорогие малометражные квартиры, первое жилье для молодежи. Реализованные в этом формате проекты противопоставлялись точечной застройке и предполагали стратегию *greenfield development* — разработку незастроенных ранее территорий, преимущественно на городской периферии.

Проект ЖК «Северная долина» от компании «Главстрой-СПб» стал одним из первых и показательных проектов КОТ в Петербурге. Губернатор Валентина Матвиенко лично курировала его старт в 2009 году и публично продвигала проект: «„Северная долина“ ста-

нет одним из самых красивых и комфортных новых микрорайонов города» [Губернатор Санкт-Петербурга..., 2010]. Строительство этого ЖК ведется до сих пор, по согласованному плану застройки здания будут занимать площадь 270 га. На этой территории застройщик планирует заселить около 80 000 человек в 63 дома высотой от 25 до 29 этажей, в каждом из которых размещается до 3500 квартир.

«Северная долина» практически не фигурирует в медиа в качестве «обычного», «типичного» петербургского спального района. Этот ЖК — особая, уникальная территория как в положительном, так и в негативном смысле. СМИ, транслировавшие позицию застройщика, позиционировали район как уникальный случай продуманности и цельности городского планирования (напр., [Петербургжцы меняют..., 2012]). Эта продуманность касается планирования социальной инфраструктуры и благоустройства пространств между жилыми зданиями. Район существует в модусе будущего в форме повторяющейся из публикации в публикацию благополучной картины комфортной жизни, в которой есть «все необходимое» для человека — школы и детские сады, аптеки и медицинские центры, банки и магазины, услуги на любой вкус [Ламбоцкая, 2017; ЖК „Северная долина“..., 2017; Квартиры на пике..., 2012; Для нас все объекты..., 2011; Люди рассматривают..., 2014]. СМИ сообщают о том, что район благоустроен лучше, чем могут ожидать покупатели в ценовом сегменте «эконом» [Никулина, 2017], а люди живут в «уютных дворах» [Чудеса..., 2010], в экологически чистом месте.

Кроме развивающегося и перспективного района в СМИ существует альтернативная «проблемная» «Северная долина»: это частный случай застройки городских окраин, полной недостатков. Качество самих домов низкое [Проблемы на „Парнасе“, 2016], жители страдают от недостатка социальной инфраструктуры (школ, детских садов, поликлиник) и затрудненного выезда с территории ЖК [Вавилова, 2017; «Успеть до школы...», 2016; Люди рассматривают..., 2014]. Район критикуют за непродуманную организацию пространства и плохое озеленение территории [Ламбоцкая, 2017], близость свалки и иловых отстойников «Водоканала», откуда доносится неприятный запах [Что лучше выбрать..., 2018]. Эта критика дополняется категорией *гетто*, которая используется в заголовках и самих текстах и выражает негативную оценку качества описываемой среды.

Еще до появления первых КОТ-проектов в конце нулевых «гетто» встречалось на страницах петербургских СМИ. Однако контекст его появления был связан в первую очередь с вопросами миграции, а именно расселения (трудовых) мигрантов в городе и их интеграции [Копланов, 2004; Никитина, 2008]. В первой половине 2010-х годов еще сохранялся дискурс «мигрантского гетто», никак не связанного с новостройками [Яхонтов, 2014; Понаехавшие..., 2013; Кошмар под контролем..., 2015; Чернов, 2014].

С появлением и распространением КОТ-проектов *гетто* и *геттоизация* становятся категориями описания преимущественно крупных жилых комплексов, в числе которых и «Северная долина». «Мигрантское гетто» не исчезает полностью в течение последующих лет, но обретает свое пространственное воплощение и становится элементом воображаемого процесса трансформации городских окраин.

Гетто-в-настоящем и гетто-в-будущем

Обе категории — *гетто* и *геттоизация* — существуют в двух временных модусах: в настоящем и будущем. Они постоянно смешиваются и могут сосуществовать на страницах одного материала и в одной реплике эксперта, однако аналитически их стоит разделить. На примере медиаматериалов о Парнасе я рассмотрю, как функционируют эти связанные категории в контексте вопросов городского развития и жилищного строительства. Два временных модуса я условно обозначу как *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем*.

Гетто-в-настоящем — это городская территория, которая обладает следующими характеристиками. Морфология *гетто*, выраженная в материальной стороне организации пространства, — это высотные жилые здания (до 30 этажей) и пустоты между ними (не образующие качественных общественных пространств). В таких «многоэтажн[ых] барак[ах]» [Сошников, 2013] на каждой лестничной площадке сконцентрировано лишком многоэтажных квартир [Космарский, 2017]. Район *гетто* слабо связан с «городом»: в своих комментариях эксперты отмечают «сложившуюся крайне низкую транспортную доступность жилья» и называют ее «[о]сновной предпосылкой возникновения современных гетто» [Толстой, Чудинова, 2016]. Наконец, в петербургском *гетто* также

«отсутствует набор социальных услуг, которые нужны человеку» [Вольянова, 2019].

Материальная среда *гетто* задает условия для формирования отношений между жителями района и окружающим их пространством. В следующем фрагменте видна именно такая логика:

Одна из отличительных черт микрорайонной застройки в том, что там нет границ. Мы не понимаем, где заканчивается наш двор и начинается другой. И у человека атрофируется чувство собственности в отношении общего пространства. Зона его комфорта сужается и ограничивается входной дверью в квартиру. В таком доме человек уже даже не думает, что подъезд его [Вольянова, 2019].

Отсюда следует, что *гетто-в-настоящем* — это такое отношение между человеком и средой, которое характеризуется, скорее, стратегиями защиты частного пространства в противовес желанию формировать общее, управлять и заботиться о нем. Подчеркну еще раз: это отношение, как указывают, зависит исключительно от средовых характеристик пространства, а не от социально-экономических характеристик жильцов, жилищной политики государства, структуры собственности или чего-либо еще.

Что касается горожан, населяющих *гетто-в-настоящем* и направляемых этой пространственной организацией, — они относятся к бедным слоям населения: «туда переезжают обитатели самых ужасных, неликвидных коммуналок, которые невозможно продать» [Космарский, 2017]. Они «занимаются выживанием и не строят долгосрочных планов: в стрессовом состоянии это невозможно»; «им можно только посочувствовать» [Почему многоэтажные..., 2016]. Помимо своего незавидного социального положения жители *гетто-в-настоящем* атомизированы, не знают соседей, не общаются друг с другом. Вооружившись инструментами нового урбанизма, в частности, антимодернистской риторикой Джейн Джекобс, эксперты указывают на то, что средовые элементы не только не создают комфортной жизни, но становятся материальным барьером для формирования социальных отношений:

Если у вас на лестничной площадке четыре квартиры, то вы своих соседей знаете в лицо <...>. А когда на площадке восемь

квартир, в доме 25 этажей, два лифта, по лестнице никто никогда не ходит, а еще и 70% жителей дома снимают жилье, сменяя друг друга, вы просто физически не можете этих людей знать [Космарский 2017].

Таким образом, *гетто-в-настоящем* — это район с дефицитом социальной, коммерческой, транспортной, досуговой и спортивной инфраструктуры, а также зеленых зон [Толстой, Чудинова, 2016; Шаповалова, 2015]. Это район, отделенный от «города». В таком районе люди проживают в высотных зданиях со множеством квартир на каждой лестничной площадке, что не позволяет им создавать устойчивые социальные связи с соседями. Пространственная организация также мешает горожанам заботиться о районе, способствует приватизму и, как следствие, деградации окружающей материальной среды.

Гетто-в-будущем представляет собой воображение о перспективах трансформации районов периферийных новостроек и тех процессах, в которые они вовлечены. Это воображение объясняет, почему горожане, эксперты и градостроители, которые в *настоящий момент* не находят признаков *гетто*, ошибаются в долгосрочной перспективе. Оно описывает район через категорию *геттоизации* и задает однозначный сценарий превращения в «настоящее гетто».

Один из важнейших элементов *гетто-в-будущем* — отсылки к историческим примерам городов Европы и США и экспликация сценариев, по которым проходила трансформация районов массового жилья во второй половине XX века: «Процессы, которые происходят у нас в планах массового жилого строительства, происходили в Европе в других странах в 60–70-х годах, и это заканчивалось превращением районов в гетто» [Вольянова, 2019]. Формируется, таким образом, универсальная модель, в которой самобытность Петербурга не проявляется никак. Локальные особенности городского развития, политических режимов, городской культуры и процессов, стоящих за появлением новостроек, не имеют значения. Петербург включен в глобальный, универсальный порядок, и потому судьба новостроек предreshена — достаточно лишь посмотреть на имеющиеся «примеры» [Нестерова, Логвин, 2016]. Эта универсальная логика описывается через рыночные механизмы, связанные с балансом спроса и предложения на рынке жилья, вне

зависимости от того, являются ли приведенные западные примеры социальным жильем или квартирами в собственности⁵.

В логике *гетто-в-будущем* с ЖК «Северная долина», как и с другими новостройками на окраинах города, будут происходить следующие трансформации. Сначала наступит разочарование собственников. «Люди, которые купили там квартиры, при первой же возможности переезжают», поскольку «[т]ерритории в микрорайонах быстро приходят в упадок: газоны превращаются в парковки, все зарастает сорняками. Соответственно, и уровень жизни быстро начинает падать» [Вольянова, 2019].

Наиболее обеспеченные собственники первой волны начнут уезжать из района, сдавая свои квартиры «[в] основном мигрантам и другим малообеспеченным и маргинальным слоям населения» [Вольянова, 2019]. Цены упадут и произойдет постепенная смена социального состава жителей. В районе начнут закрываться точки продаж, ориентированные на обеспеченных покупателей. Останутся «пивнушки и дешевые магазины» [Пять этапов..., 2019]. «Все больше людей уезжает, состав населения продолжает меняться, качество среды падает еще больше <...>, начинает расти преступность. С этого момента район превращается в гетто» [Вольянова, 2019].

Как мы видим, *гетто-в-будущем* — это результат заложенного в настоящем низкого, с точки зрения экспертов, качества городской среды. Это стартовая точка, которая запускает разочарование жителей и последующие волны переезда одних и заселения качественно других людей. Смена инфраструктуры района поддерживает эти процессы и усиливает их. *Геттоизация* и *гетто-в-будущем* сформулированы в экономических категориях и подчинены рыночной логике: они указывают на падение цен на недвижимость, которое рассматривается как отклонение от нормы. На эту рыночную логику падения стоимости жилья и рентабельности бизнеса наслаиваются этнические компоненты и связанные с ними комплексы обы-

денных представлений о местах проживания мигрантов как «рассадицах криминала» [Нестерова, Логвин, 2016]. Основные характеристики российского *гетто-в-будущем* связаны не только с состоянием материальной среды, но и социально-демографической композицией района. Населяющие *гетто-в-будущем* люди сочетают в себе принадлежность к категории «мигранты» (которая подразумевает в данном случае этническое меньшинство) и предполагаемый низкий социально-экономический статус, который не позволяет им жить в комфортной городской среде, как ее определяют в рамках концепции нового урбанизма российские эксперты. Появление именно таких жителей, приходящих на смену первичным собственникам квартир, — часть процесса *геттоизации*, связанного со сменой характера («ухудшением») доступных жителям сервисов и инфраструктур.

Итак, петербургское *гетто* в его двух аналитически разделенных проявлениях — *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем* — отчасти сохраняет элементы, которые вложены в это понятие европейскими и американскими социальными учеными. *Гетто* также связано с комплексом негативных воображаемых перспектив. Петербургское *гетто* — это стигматизированная проблемная территория; поселиться в *гетто* означает иметь низкий уровень жизни и испытывать дискомфорт от окружающей социальной и материальной среды. Последняя чрезвычайно важна: именно способы планирования территории районов, высотность домов, их взаимоположение, квартирография и используемые строительные материалы являются основой для формирования *гетто*. Они способствуют атомизации горожан, препятствуют формированию соседских связей и практик заботы о пространстве. Другой значимый пространственно-материальный компонент *гетто* — инфраструктурная ненасыщенность района, дефицит социальных и однообразия района, недостаток сервисов, транспортная удаленность от центра. Эксперты делают упор на средовых характеристиках района, вычлняя их из кейсов европейских и американских гетто, но оставляют за бортом другие параметры социальной организации западных городов: социально-демографическую композицию, формы этнического и расового неравенства, политическую подоплеку жилищной политики и предоставления горожанам социальных благ, устоявшиеся формы сосед-

5 Например, в одной из публикаций [Что делать с Парнасом..., 2016] представлены жилые комплексы, построенные как социальное жилье: Прюит-Айгоу (США), Кабрини-Грин (США), Эйлсбери (Великобритания) и Бэллиман (Ирландия). В то же время нельзя отрицать, что неблагополучными порой становились и те районы, квартиры в которых частично находились в собственности жильцов, — таковым, например, был французский район массового жилья Клиши-су-Буа.

ства и т.п. *Геттоизация* Петербурга превращается в неотвратимый, универсальный городской процесс, сегодняшние жители новостроек — в экономически неуспешных агентов, совершивших ошибку при покупке квартиры; потенциальные арендаторы квартир — в маргинальное, бедное население, не способное обеспечить себе лучшее существование.

Часть 3. В поисках *гетто*: эмпирическое исследование «Северной долины»

Критика «Северной долины» аналогична той, что была адресована создателям массового жилья в западных странах начиная с 1960-х годов. В городских исследованиях сформировалась целая традиция критики модернистской жилой архитектуры как способствующей росту преступности [Newman, 1972; Newman, Franck, 1982], не способной создавать социальные связи [Джекобс, 2015], стандартизирующей человеческие потребности и не учитывающей образ жизни представителей низших социальных классов (подробнее см.: [Bristol, 1991]). Однако, как отмечает Флориан Урбан, в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же материальным детерминизмом — и когда речь идет о надежде на способность архитектуры реорганизовать жизнь бедных слоев населения к лучшему, и когда возникает критика модернистских жилых комплексов, архитектура которых угнетает жителей и превращает их в маргиналов и преступников [Урбан, 2019]. Материальность, безусловно, играет важную роль в городских процессах: городские инфраструктуры способны проводить собственную политику [Winner, 1980]; конфигурация материальной среды, характеристики используемых материалов и сценарии функционирования городских технологий — важные элементы в объяснении происходящих в городе процессов [Jacobs, 2006; Farías, Bender, 2012; Farías, 2011]. Город, однако, это социотехнический артефакт [Hommels, 2009], поэтому необходимо уделять внимание и технологическому, материальному компоненту жилых районов, и социальным процессам, связанным с ними.

Вопреки высказываниям российских урбанистов о том, что «[и]стория превращения определенных жилых районов в гетто во всем мире одинаковая» [Вольянова, 2019], не существует никакого универсального сценария, по которому бы происходила трансформа-

ция модернистского жилья в разных городах мира [Урбан, 2019]. Похожие материальные формы — жилые комплексы эпохи массового строительства — менялись по *разным* траекториям, переживая и успехи, и провалы. «Свою роль [в этом] играли и внешняя форма, и функциональное наполнение зданий, но также и состав населения, и расположение внутри города, и качество последующего обслуживания, и еще множество культурных, общественных и политических особенностей» [Урбан, 2019, с. 14], см. также: [Venkatesh, 2009; Bristol, 1991; Vale, 2002]).

Хотя речь в этом исследовании не идет о модернистском жилье середины XX века, методология, предложенная «критиками критиков» модернистского жилья, кажется удачной для анализа современных российских новостроек. О будущем «Северной долины» невозможно рассуждать всерьез, ориентируясь лишь на схожесть городских форм. Кроме того, судьба схожих жилых комплексов в рамках одной страны или города также может быть различной. Избегая возможных спекуляций по поводу будущих трансформаций района, в этом разделе я предлагаю результаты исследования того, что происходит в ЖК «Северная долина» в *настоящее* время. Напомню, что *гетто-в-настоящем* предполагает, что район населен бедными людьми, а его материально-пространственная организация блокирует возможности включаться в соседские отношения и проявлять заботу об общих вещах и пространствах. Имеющиеся данные позволяют оспорить каждый из этих тезисов и переписать район из позиции информантов — жителей «Северной долины»; история Александры⁶ поможет это сделать.

До замужества Александра жила в коммунальной квартире в Центральном районе Петербурга вместе со своими родителями. В преддверии рождения ребенка они с мужем приняли решение приобрести отдельное жилье: довольно быстро нашли вариант небольшой однокомнатной квартиры на двадцатом этаже одного из домов в «Северной долине». Как и многие соседи, семья Александры приобрела квартиру в ипотеку. Александра не раскрыла доходы своей семьи⁷, но неболь-

⁶ Здесь и далее имена информантов и комментаторов из онлайн-групп изменены.

⁷ Согласно данным, предоставленным застройщиком «Главстрой-СПб», в среднем ежемесячный доход домохозяйства среди собственников квартир

шой расчет⁸ поможет оценить его нижнюю границу: собственники квартиры в «Северной долине» должны официально и стабильно получать 37,5–50 тысяч рублей в месяц, что сопоставимо со средней зарплатой петербуржца⁹. Александра уверена, что жители района очень похожи друг на друга — «*молодые семьи с детьми*», — и это отличает новое место жительства от старой коммунальной квартиры в центре города, где «*публика самая разная живет*». Часть соседей Александры арендуют жилье¹⁰: стоимость аренды квадратного метра в однокомнатной квартире на Парнасе составляет около 570 рублей в месяц, тогда как средняя по Петербургу цена аренды аналогичного жилья — 602 рубля за квадратный метр¹¹.

В первый же год после переезда Александра активно включилась в жизнь района. Она подписалась на несколько районных и домовых пабликов и групп «ВКонтакте», которые работают как соседские форумы. «Мы здороваемся, мы знаем, кто там живет в соседней квартире, — говорит Александра о соседях по лестничной площадке, — хорошо общаемся ну вот с соседкой с другого этажа». За первый год жизни в районе Александра завела и более близкие знакомства: «также знакомые, друзья появились, ну через эту группу [района «ВКонтакте»], да. <...> Мы начали общаться, вот, дружить. У нас дети дружат». В онлайн-группе дома она познакомилась с местными активистами и собиралась принять участие в выборах в совет дома. Онлайн-

группы — одна из немногих возможностей создать коллективного субъекта принятия решений [Чернышева, 2020]. Через группу «ВКонтакте» Александра организовала сбор подписей под петицией, которую направила губернатору и президенту: в документе были сформулированы требования жителей района решить проблему задержки строительства социальной инфраструктуры. Утвержденный проект «Северной долины» гарантировал всю необходимую социальную инфраструктуру, но в обещанный срок она не была построена. На 2018 год, спустя почти 9 лет после начала заселения, около 70% жилья уже было введено в эксплуатацию и заселено, однако жители могли использовать менее половины запланированных на тот момент мест в детских садах и менее 25% запланированных мест в школах¹².

После интервью Александра рассказала немного о своих планах. «Мы [с мужем] обсуждали, но еще не решили <...> Нам со временем понадобится квартира побольше, и мы, скорее всего, будем рассматривать Парнас, здесь искать квартиру побольше». Сегодняшние недостатки кажутся Александре исправимыми, они незначительны для того, чтобы думать о переезде.

В общении с информантами мы с коллегами, конечно, сталкивались с «неактивной» позицией жителей, которые не стремились улучшать условия жизни и бороться с несправедливым распределением благ. В отсутствие количественных исследований трудно понять, насколько жители вовлечены в заботу

в «Северной долине» составляет около 70 000 рублей.

- 8 Минимальный размер стартового взноса для приобретения квартиры-студии в ЖК «Северная долина» составляет 360 тысяч рублей (минимальная стоимость квартиры-студии в строящемся доме — 2 млн рублей). Размер ежемесячного ипотечного взноса при этом составит как минимум 15 тысяч рублей. При покупке однокомнатной квартиры размер ежемесячного взноса увеличится как минимум до 20 тысяч рублей (по данным сайта застройщика «Главстрой-СПб» <https://glavstroy-spb.ru>). При этом банки требуют соблюдения нормы расходов по кредитным обязательствам, которая не должна превышать 40% ежемесячного заработка.
- 9 По разным оценкам, от 40 до 58 тысяч рублей по итогам 2018 года [Средняя заработная плата..., 2018; Лучко, 2019].
- 10 По данным застройщика «Главстрой-СПб», доля арендаторов в «Северной долине» составляет около 20% домохозяйств.
- 11 Примерная оценка по данным сайта sankt-peterburg.nauydidom.com и результатам анализа 72 объявлений на сайте cian.ru.

- 12 Реальный дефицит мест в детских садах и школах намного больше. Проект ЖК предусматривает 9210 мест в общеобразовательных школах и 2801 в детских дошкольных учреждениях. По нормативам Генплана, актуальным на 2008 год (момент утверждения проекта) это соответствовало нормам на 80 000 планируемых жителей. Однако важно учитывать следующий момент: число жителей было указано из расчета 33,75 кв. м на человека, что значительно отличается и от существовавшего в тот момент норматива 28 кв. м, и от реального показателя жилищной обеспеченности — около 22 кв. м на человека (Жилищное хозяйство России, 2016). При расчете по утвержденному нормативу обеспеченности жильем (28 кв. м на человека) в районе будут проживать более 96 тысяч человек, для которых потребуется более 3300 мест в детских садах и более 11 000 мест в школах. Принимая во внимание специфику демографического состава района — преобладание молодых семей с детьми, — для обеспечения их потребностей потребуется еще больше ресурсов социальной инфраструктуры.

о своем районе. Однако история Александры не уникальна. В каждом доме нового района можно найти одну или несколько инициативных групп, которые постоянно ведут борьбу за улучшение качества своей жизни и жизни соседей по этажу, подъезду, дому или району. Участники этих групп собирают подписи под петициями (с 2010 года было организовано как минимум пять петиций по вопросам общерайонного устройства), стараются контролировать траты управляющей компании, а также пишут жалобы на незаконную уличную торговлю, составляют заявки на ремонт общедомового оборудования, озеленяют дворы, устраивают спортивные соревнования, праздники, встречи соседей во дворах и местных кафе. Все перечисленное активно обсуждается на онлайн-площадках — в группах отдельных домов и всего района. С помощью групп «ВКонтакте» жители, которые не считают себя активистами, не баллотировались в совет дома и не разбираются в устройстве коммунального хозяйства, также имеют возможность заботиться о районе и его жителях. Они осуществляют социальный контроль, фотографируя «нарушения» порядка и поднимая соответствующие темы в онлайн-группах¹³.

Итак, обратившись к собранным в ходе исследования «Северной долины» данным, можно указать на несколько маркеров, которые противоречат образу *гетто-в-настоящем*. Многие жители ценят свой район и не торопятся его покинуть. Напротив, они организуют инициативные группы, участвуют в управлении и беспокоятся об окружающих пространствах. Даже в отсутствие надежных данных о социально-демографической композиции района можно точно сказать, что он сегодня не населен «бедняками» и «маргиналами». Для получения ипотечного кредита у заемщика должен быть постоянный подтвержденный доход, сопоставимый со средним доходом жителя Петербурга. Оплата аренды также требует постоянного дохода. Но важна не столько абсолютная величина доходов жителей района, сколько их ощущение по поводу этих доходов и предположения о том, каковы доходы и образ жизни соседей. И если «то, что ты живешь на Парнасе, не говорит о твоём богатстве» [Олеся, интервью], все же «люди, которые покупают,

они, очевидно, зарабатывают, трудятся, еще чего-то <...>. Раз они покупают квартиру, они более благополучны в каком-то смысле» [Мишаил, интервью].

Поскольку процессы, происходящие в *гетто-в-настоящем*, с точки зрения медиакритики, являются базой для будущей *геттоизации*, неизбежность этого сценария также можно поставить под сомнение. Критика *гетто-в-будущем*, представленная в части 4, — это не попытка подтвердить или опровергнуть прогноз о *геттоизации* района; она касается того, какие последствия имеют появление и воспроизводство этого прогноза как такового. Иными словами, вопрос состоит в том, что происходит, когда эксперты и журналисты говорят о том, что Парнас превратится в *гетто*, как о неоспоримом факте?

Часть 4. Как работает *гетто*: перформативный эффект

Горожане, поселившиеся в модернистских районах и вполне довольные своим новым домом, часто оказывались в эпицентре борьбы градостроительных концепций и политических сил. Один из повторяющихся (но не универсальных) сюжетов в биографиях модернистских жилых районов — это смена восхищения резким неприятием в первые же годы их строительства и заселения¹⁴. О жилых комплексах формировались своеобразные мифы [Bristol, 1991], в действительности же демографические процессы в таких районах и их негативная репутация зачастую были никак не связаны друг с другом [Urban, 2018; Урбан, 2019]. Порой «именно изменения в восприятии зданий предшествовали изменениям в составе их обитателей, а не наоборот» [Урбан, 2019, с. 265]. Более того, хотя жители стигматизированных районов часто не были согласны с критикой и солидаризировались для борьбы с проблемами своих районов, фактическое благополучие района все же было связано и с его медиаобразом [Урбан, 2019].

Все эти сюжеты иллюстрируют перформативность воображаемой маргинальности. Называние является одним из условий конституирования субъекта [Butler, 1997]; можно сказать, что и в случае жилого райо-

¹³ Подробнее о специфике совместной жизни и (само)управления общими ресурсами и местами общего пользования в районах новостроек: см. [Chernysheva, Sezneva 2020; Чернышева 2020].

¹⁴ В некоторых городах стигматизация массового жилья не была столь масштабной (например, в Нью-Йорке); в других и вовсе отсутствовала (например, в Шанхае) [Урбан, 2019].

на само упоминание категории *гетто*, равно как и практики обращения с районом как с *гетто*, в сущности, превращают его в *гетто*. Перформативный подход, который я обозначила, противопоставит репрезентативному, который предполагает онтологическое различие между категориями и феноменами: категории *репрезентируют* феномены, а сами феномены обладают предзаданными свойствами и не зависят от репрезентирующих их категорий [Barad, 2003]. Перформативный подход, напротив, предлагает обращать внимание не на сами лингвистические категории, а на дискурсивные практики и указывает на связь между такими практиками и конкретными материальными явлениями [Barad, 2003].

В случае Парнаса дискурсивные практики, связанные с построением воображаемой маргинальности, отчасти формируют эту маргинальность. С появлением экспертного знания, которое оценивает район по набору признаков материальной структуры и территориальной удаленности, приписывая ему свойства, связанные с неблагополучием и деградацией, может возникать перформативный эффект маргинализации района: ни у кого не остается сомнений в том, что жилой комплекс, о котором говорят как о *гетто*, является *гетто*. Можно предположить, что категория гетто как *imarginality* и «моральная категория» [Blokland, 2008] сама по себе может действовать и преобразовывать район.

Рассмотрим несколько иллюстраций этого процесса на примере «Северной долины». Оценить его масштабность на имеющихся данных нельзя; однако ухватить логику возможно. Я проиллюстрирую два аспекта этого процесса: первый связан с тем, как жители района перенимают риторику *геттоизации*, второй — с тем, как воображение о *гетто-в-будущем* влияет на резидентальные биографии.

Во-первых, воображаемая маргинальность входит в язык самоописания района. Существующее экспертное воображение о *гетто* становится реальностью, с которой обращаются сами жители района. С одной стороны, они начинают использовать слово «гетто» для того, чтобы выразить свое негативное отношение к району: «Что красивого? Бетонные гетто и лампы на фото», — отвечает один из участников соседского форума на публикацию фотографии района с подписью «Блин, все-таки красивый этот Парнас». С другой сто-

роны, категория «гетто» действует как «враг» или «инструмент мобилизации». В одних случаях использование категории — способ объяснения нарушений порядка. К этому способу прибегают, когда хотят выразить свое негативное отношение к происходящим в районе событиям и подчеркнуть их неслучайный характер. «Свиньи и ублюдки. Потом они же и ноют, что это гетто...», — комментирует один из участников онлайн-группы «ВКонтакте» пост о том, что кто-то сломал посаженную местными жителями молодую яблоню, причем этот кто-то, предположительно, и сам проживает в «Северной долине». В других случаях *гетто* работает как нежеланный образ будущего и вызывает желание не допустить его появления, бороться с любыми его проявлениями (будь то плохое транспортное сообщение с другими районами города или оставленный мусор на лестничной площадке). Вот как один из жителей объясняет участникам соседской онлайн-группы необходимость борьбы с нелегально установленными ларьками на территории района: «Установка ларьков незаконна — как следствие, предпринимательская деятельность в них также незаконна. <...> Терпимость к правонарушениям ведет только к их увеличению. <...> Зачем нам портить район? <...> Проблема в том, что, испортив район, превратив его в гетто, обратно его не исправишь». В этом случае *гетто* выступает в качестве одной из альтернатив будущего, которое создается руками самих жителей.

Второе проявление перформативности *гетто* заключается в том, что воображение о *гетто-в-будущем* может работать как катализатор того процесса *геттоизации*, который само описывает. Как уже упоминалось выше, стартовой точкой этого процесса эксперты называют разочарование собственников квартир в качестве жилья и среды района. В результате жильцы уезжают и сдают свои квартиры, запуская процессы смены социально-демографического состава района. Можно предположить, что негативная репутация района как *гетто* может способствовать развитию именно такой проектируемой резидентальной биографии жителей. История 24-летнего Максима, одного из моих информантов, поясняет этот тезис. Мать Максима не была знакома с воображением *гетто-в-будущем*, то есть не знала о прогнозах превращения крупных жилых комплексов на периферии городов в *гетто*. Сам Максим также не знал ничего о *геттоизации*, пока

случайно не посмотрел на YouTube видео, в котором рассказывалось о будущем районов новостроек:

Я посмотрел это видео и в этот момент безумно напрягся и испугался, что у меня мама купила именно такую квартиру. Не помню, про какую часть Петербурга или Москвы был разговор в ролике, но я подумал, что все равнозначно более-менее, и этот сценарий работает на всех типовых застройках. Я отзвонился маме и начал очень переживающе расспрашивать, а мама меня стала успокаивать, но я до сих пор не совсем успокоился.

До просмотра этого видео Максим размышлял о покупке жилья в новом доме на периферии Петербурга, но предложенный в видеоролике сценарий убедил его в том, что это была плохая идея: «Если бы я до поиска [жилья] себе увидел это видео, скорее всего, я бы совсем не смотрел квартиру на окраине».

Категория *гетто* добралась до многих жителей «Северной долины» уже после покупки квартиры. Будучи как бы эфемерной и незначимой, она работает на ухудшение качества жизни горожан: когда эксперты называют район *гетто*, каждый его житель становится обитателем этого *гетто*. Как показывают исследования, подобная стигматизация может приводить к активизации государственной политики, которая еще сильнее стигматизирует жителей [Wacquant, 2007]. Но на сегодняшний день воображаемая маргинальность «Северной долины» лишь ставит под вопрос рациональное с точки зрения собственников действие по покупке квартиры в этом районе и может привести к попытке эту «ошибку» исправить — продать или сдать новую квартиру, запустив те самые процессы, что описаны критиками в сценарии *геттоизации*.

Итак, воображаемая маргинальность, представленная в случае Парнаса категориями *гетто* и *геттоизации*, может иметь перформативный эффект. Называя район *гетто*, эксперты превращают его в гетто; описывая процессы *геттоизации*, они могут запускать эти процессы. Негативный образ, связанный с категорией «гетто», может запустить механизмы разочарования в качестве жизни в районе и переоценку/изменение планов в рамках собственной резидентальной биографии. Везжать из района, потому

что он *гетто-в-настоящем* или потому что он станет *гетто-в-будущем*, означает запускать или поддерживать сценарий *геттоизации*.

Заключение

Медиа и эксперты по развитию городов утверждают, что мы живем в «эру каменных *гетто* на границе Петербурга и Ленобласти» [Медведева, 2018]. Связка между новыми районами на окраинах города и категорией *гетто* перестает быть проблематичной: СМИ используют слово «гетто» как синоним больших жилых комплексов на окраинах города, а эксперты по недвижимости выделяют «гетторынок» как отдельный сегмент рынка недвижимости [Чаюн, 2017]. Уже не обязательно объяснять в тексте газетной статьи, почему новый многоэтажный район — это *гетто*; категория выглядит как устоявшаяся.

Новым крупным многоэтажным жилым районам, построенным за последние десять лет на периферии Петербурга, пророчат *геттоизацию* по аналогии с судьбами модернистского жилья, появившегося в западных городах во второй половине XX века. При схожести архитектурных решений и подходов к планировке отличия современного жилья в Петербурге от западных модернистских жилых массивов достаточно велики: это и цели строительства, и политический контекст, и распространенные формы собственности, и устоявшиеся виды городского неравенства в современном российском городе. Что же такое российское *гетто* и как эта категория функционирует в медийном пространстве и повседневности горожан — в особенности жителей районов новостроек? Разбору именно этих двух вопросов посвящена эта статья. Ее задача критическая: вместо воспроизводства категории гетто как само собой разумеющейся в отношении жилого района «Северная долина» я рассмотрела, как происходит символическая борьба за установление связи между новостройками и категориями *гетто* и *геттоизации*, на чем основывается воспроизводство категории экспертами и медиа, а также ее возможную роль в процессах трансформации района.

Жилой комплекс «Северная долина», или район Парнас, строящийся на севере Петербурга с 2009 года, стал главным героем этого текста: с первых лет строительства

и заселения он подвергался критике со стороны экспертов по городскому развитию, архитекторов, урбанистов, блогеров и СМИ. Критикуя материальную среду этого района, они зачастую обращались к категориям *гетто* и *геттоизации* и производили воображение о настоящей и будущей жизни района, изменениях его материальной среды и социально-демографических особенностях жителей.

В задачи этой статьи не входила «объективная» оценка состояния городской среды в районах новостроек, настроений жителей или влияния социоматериальной и пространственной организации жилого комплекса на социоэкономическое положение горожан или вероятность совершения преступлений. *Я не стремилась ответить на вопрос, является ли — и станет ли — «Северная долина» гетто или нет.* В этом исследовании я анализировала не столько сам район, не столько существующие концепции гетто, сколько локальные практики, связанные с этим концептом и исследуемым жилым районом. Я стремилась понять, как в дискурсивных (и не только) практиках производится петербургское *гетто*. Это производство включает и создание негативных медиаобразов, и борьбу жителей за то, чтобы это воображение не стало «реальностью». Моя задача в нормативном поле состояла лишь в том, чтобы указать, что существующие категории *гетто* и *геттоизации* уже функционируют как перформативы: воображаемая маргинальность (*imarginality*) может работать как «реальная». Это означает, что называние района *гетто* равносильно производству *гетто* в данной локации, а борьба местных жителей против потенциального *гетто* — это признание сценария *геттоизации* вероятным или уже сбывающимся.

Я выделила два воображения о районе Парнас: *гетто-в-настоящем* и *гетто-в-будущем* — оба они производят воображаемую маргинальность, или *imarginality*, района. Первое указывает на бедность жителей новостроек, низкое качество или отсутствие различных городских инфраструктур, а также такие способы организации материальной среды района, которые приводят к атомизации жителей и их нежеланию заботиться о районе. Второе прогнозирует скорое падение стоимости жилья, смену социального состава района в пользу неблагополучных слоев населения и последующие криминализацию

и деградацию по универсальному сценарию «западного города».

Даже если опустить академические споры о границах применимости понятия «гетто» и рассматривать только тот набор характеристик, который приписывается исследуемому району российскими экспертами, сегодня признаки *гетто-в-настоящем* в ЖК «Северная долина» найти трудно. Хотя жители столкнулись с серьезной проблемой дефицита социальной инфраструктуры и иными проблемами, связанными с качеством строительства и размерами домов, они объединяются и мобилизуются для защиты своих прав и улучшения качества жизни. Результаты исследования не подтвердили гипотезу о том, что районы, спланированные и построенные подобным образом, непременно будут привлекать жителей с низким социально-экономическим статусом и препятствовать установке социальных связей и практикам заботы о районе, доме, лестничной площадке и инфраструктурах. Высотность домов, тип планирования, квартирография и другие элементы материальной среды района хотя и играют свою роль в формировании социоматериального порядка, но все же, вопреки критике медиа, не становятся *единственной* детерминантой процессов, происходящих в районе.

Что касается *гетто-в-будущем*, то такое воображение процессов трансформации городских районов массового жилья также должно быть критически осмыслено. Несмотря на то что некоторые районы массового жилья во второй половине XX века действительно становились пространствами социального неблагополучия, такой сценарий не был универсальным [Урбан, 2019]. Редуцирование многообразия социальных, политических, экономических факторов, влияющих на судьбу районов (до материально-пространственного устройства жилья), не помогает понять, что происходит с такими районами в действительности. Аналогично сомнительной выглядит попытка предсказать единую судьбу для всех крупных жилых комплексов на окраинах российских городов без поправки на конкретные условия, в которых разворачиваются процессы их трансформации. При этом сама по себе формулировка прогноза трансформации сегодняшних новостроек в терминах *геттоизации* содержит риски создания *гетто*, поскольку эта категория работает как перформатив.

Список информантов

Александра, около 30 лет. Замужем, воспитывает двухлетнего ребенка и находится в декретном отпуске. Купила квартиру и переехала в «Северную долину» в 2017 году. Активно участвует в управлении многоквартирным домом.

Максим, 24 года, выпускник театральной академии. Переехал в Петербург для учебы в университете. Снимает комнату в Центральном районе города. Планирует приобрести собственное жилье.

Олеся, около 35 лет. Живет в собственной квартире в «Северной долине» с 2011 года. Администрирует работу интернет-магазина. Воспитывает дочь старшего школьного возраста. Участвует в соседских обменах вещами, общается с соседями в онлайн-группах «ВКонтакте».

Михаил, 31 год. Собственник квартиры и житель «Северной долины» с 2014 года.

Источники

Вавилова Е. (2017) КОТы вышли на рекорд//Фонтанка.ру. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2017/11/08/114/> (дата обращения 08.09.19).

Вирт Л. (2005) Гетто//Вирт Луис. Избранные работы по социологии. М: ИНИОН. С. 178–191.

Вольянова С. (2019) Парнас, Кудрово и Девяткино – это петербургские гетто? Отвечают социологи и урбанисты//Газета «Бумага». Режим доступа: <https://paperpaper.ru/campus/parnas-kudrovo-i-devyatkineto-pete/> (дата обращения 08.09.19).

Восленский М. (1991) Номенклатура. «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь».

Герасимова Е. (2000) Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ. Дисс. канд. соц. наук. СПб.

Герасимова К., Чуйкина С. (2000) От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы//Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб.: Нева. С. 27–74.

Губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко провела рабочее совещание на стройплощадке «Северной долины» (2010)//Сайт «Северной долины». Режим доступа: <https://sevdol.ru/news/2010/gubernator-sankt-peterburga-v-i-matvienko-provela-rabochee-soveshchanie-na-stroyploshchadke-severnoy2/> (дата обращения 08.09.19).

Джекобс Дж. (2015) Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство.

Для нас все объекты в приоритете (2011)//Коммерсант. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1826435?query=%22%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%22> (дата обращения 08.09.19).

Жители Парнаса возмутились постом блогера Варламова, сравнившего район с гетто (2016)//Блог Ильи Варламова. Режим доступа: <https://varlamov.ru/1872152.html> (дата обращения 08.09.19).

ЖК «Северная долина»: «муравейник», но с инфраструктурой (2017)//Портал Living.ru. Режим доступа: <http://living.ru/spb/expert/tainyi-pokupatel/zhk-severnaya-dolina-muraveynik-no-s-infrastrukuroy/> (дата обращения 08.09.19).

Квартиры на пике спроса (2012)//Московский комсомолец. Режим доступа: <http://spb.mk.ru/articles/2012/02/29/676756-kvartiry-na-pike-sprosa.html> (дата обращения 08.09.19).

Копланов А. (2004) Гетто по-петербургски//РосБалт. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2004/10/19/181922.html> (дата обращения 08.09.19).

Космарский А. (2017). «Фактически мы проектируем гетто»: социолог о современном урбанизме//Indicator. Режим доступа: <https://indicator.ru/article/2017/01/23/fakticheski-my-proektiruem-getto/> (дата обращения 08.09.19).

Кошмар под контролем (2015)//Вечерний Петербург. Режим доступа: <http://www.vppress.ru/stories/Koshmar-pod-kontrolem-i-soglasna-grafika-13987> (дата обращения 08.09.19).

Ламбоцкая Н. (2017) Парнас: от живописного холма до уютного микрорайона//Московский комсомолец. Режим доступа: <http://spb.mk.ru/articles/2017/11/17/parnas-ot-zhivopisnogo-kholma-do-uyutnogo-mikrorayona.html> (дата обращения 08.09.19).

- Лебина Н.Б. (1999) Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. Спб.: Журнал «Нева». Издательско-торговый дом «Летний Сад».
- Лучко Л. (2019) Зарплата посередине. Средняя зарплата петербуржцев по-прежнему не дотягивает до официальной//Деловой Петербург. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2019/01/20/Zarplata_poseredine (дата обращения 08.09.19).
- Люди рассматривают квартиру как «тихую гавань» для сохранения сбережений (2014)//Коммерсант. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2622945?query=%22%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%22> (дата обращения 08.09.19).
- Медведева Ю. (2018) Мнение: Эра каменных гетто на границе Петербурга и Ленобласти заканчивается//Невские новости. Режим доступа: <https://nevnov.ru/607302-era-kamennykh-getto-na-granice-peterburga-i-lenoblasti-zakanchivaetsya> (дата обращения 08.09.19).
- Нестерова К., Логвин И. (2016) Новое гетто: какое будущее ждет «муравейники» Петербурга//Карповка. Режим доступа: <https://karповka.com/спец2016/3> (дата обращения 08.09.19).
- Никитина Ю. (2008) Гетто для гастарбайтеров – «Малый Петербург»//Фонтанка.ру. Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2008/08/06/116/> (дата обращения 08.09.19).
- Никулина О. (2017) Новостройки Петербурга выходят на новый уровень//Комсомольская правда. Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/26683/3706305/> (дата обращения 08.09.19).
- Новые районы Питера. Хотели бы так жить? (2016)//Блог Ильи Варламова. Режим доступа: <https://varlamov.ru/1869299.html> (дата обращения 08.09.19).
- Петербургжцы меняют качество жизни (2012)//Комсомольская правда. Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/25907/2863644/> (дата обращения 08.09.19).
- Понаехавшие на рынок жилья (2013)//БКН.РУ. Режим доступа: https://www.bkn.ru/Niedvizhimos/Raiony/2878-Ponaiekhavshiie_na_rynok_zhilia.html (дата обращения 08.09.19).
- Почему многоэтажные спальные микрорайоны – это плохо (на примере питерского Парнаса) (2016)//Блог Ильи Варламова. Режим доступа: <https://varlamov.ru/1873609.html> (дата обращения 08.09.19).
- Проблемы на «Парнасе» (2016)//Видеосюжет Топ.спб.tv. Режим доступа: <https://topspb.tv/programs/stories/461010/> (дата обращения 08.09.19).
- Пять этапов превращения в гетто на примере Мурино (2019)//YouTube-канал Ильи Варламова. Режим доступа: <https://youtu.be/qLhcXgVZaJI> (дата обращения 08.09.19)
- Сошников А. (2013) Будущее Петербурга: гетто для мигрантов в «спальниках» или небоскребы в историческом центре//Мой район – MR7.ru. Режим доступа: <https://mr-7.ru/articles/84306/> (дата обращения 08.09.19).
- Средняя заработная плата одного работника в Санкт-Петербурге, начисленная за октябрь 2018 года (2018)//Петростат. Режим доступа: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/0764d-40048329c1eb5b2bdf8830b115d/ZR101840.pdf (дата обращения 08.09.19).
- Толстой И., Чудинова О. (2016) У нас гетто пока нет. Но потенциал имеется//Строительство.ру. Режим доступа: <https://rcmm.ru/ekonomika-i-biznes/24471-u-nas-getto-poka-net-no-potencial-imeetsya.html> (дата обращения 08.09.19).
- Трофимова А., Сахарова Е. (2018) Одна из главных ошибок Санкт-Петербурга – строительство гетто вокруг кольцевой дороги//Портал Новострой-СПб. Режим доступа: https://www.novostroy-spb.ru/intervyu/odna_iz_glavnyh_oshibok (дата обращения 08.09.19).
- Урбан Ф. (2019) Башня и коробка. М.: Strelka Press.
- Успеть до школы: как обстоят дела с детсадами в Петербурге и области (2016)//Карповка. Режим доступа: <https://karповka.com/2016/01/18/272067/> (дата обращения 08.09.19).
- Чаян Ю. (2017) Падать некуда: квартиры будут дорожать//VN.ru, Санкт-Петербург. Режим доступа: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/238443/> (дата обращения 08.09.19).
- Чернов И. (2014) «Я бы не стала говорить о «гетто»: социолог считает, что опасения СК по поводу мигрантов преувеличены//Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/society/2014/1/29/670148.html> (дата обращения 08.09.19).
- Чернышева Л.А. (2020) Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 23. № 2. С. 36–66.
- Что делать с Парнасом и подобными жилыми комплексами? (2016)//Блог Ильи Варламова. Режим доступа: <https://varlamov.ru/2085839.html> (дата обращения 08.09.19).

- Что лучше выбрать: Девяткино, Кудрово или Парнас? (2019)//Портал SPBhomes.ru. Режим доступа: https://spb-homes.ru/science/devyatkinokudrovoili_parnas/ (дата обращения 08.09.19).
- Чудеса «Северной долины» (2010)//Деловой Петербург. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2010/10/06/CHudesa_Severnoj_Dolini (дата обращения 08.09.19).
- Шаповалова Т. (2015) Новое русское гетто//Невское время. Режим доступа: <https://nvspb.ru/2015/02/28/novoe-russkoe-getto-56865> (дата обращения 08.09.19).
- Яхонтов О. (2014) Депрессивные кварталы: в Петербурге появляются мигрантские гетто//Вести.ru. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1232664&cid=1> (дата обращения 08.09.19).
- Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter//Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 28. No. 3. P. 801–831.
- Blokland T. (2008) From the Outside Looking in: A “European” Perspective on the Ghetto//City & Community. Vol. 7. No. 4. P. 372–377.
- Bristol K.G. (1991) The Pruitt-Igoe Myth//Journal of Architectural Education. Vol. 44. No. 3. P. 163–171.
- Butler J. (2013) Excitable Speech: A Politics of the Performative. New York: Routledge.
- Chaddha A., Wilson W.J. (2008) Reconsidering the “Ghetto”//City & Community. Vol. 7. No. 4. P. 384–388.
- Chernysheva L., Sezneva, O. (2020) Commoning Beyond ‘Commons’: The Case of the Russian ‘Obshcheye’//The Sociological Review. Vol. 68. No. 2. P. 322–340.
- Fariás I. (2011) The Politics of Urban Assemblages//City. Vol. 15. No. 3–4. P. 365–374.
- Fariás I., Bender T. (eds.) (2012) Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies. London, New York: Routledge.
- Haynes B., Hutchison R. (2008) The Ghetto: Origins, History, Discourse//City & Community. Vol. 7. No. 4. P. 347–352.
- Hommels A.M. (2009) Changing Obdurate Urban Objects: The Attempts to Reconstruct the Highway through Maastricht//Urban Assemblages. How Actor-Network theory Changes Urban Studies/I. Fariás, T. Bender (Eds.). London, New York: Routledge. P. 139–159.
- Jacobs J.M. (2006) A Geography of Big Things//Cultural Geographies. Vol. 13. No. 1. P. 1–27.
- Kovács Z. (1998) Ghettoization or Gentrification? Post-Socialist Scenarios for Budapest//Netherlands Journal of Housing and the Built Environment. Vol. 13. No. 1. P. 63–81.
- Krause M. (2016) ‘Western Hegemony’ in the Social Sciences: Fields and Model Systems//The Sociological Review. Vol. 64. No. 2_suppl. P. 194–211.
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern//Critical inquiry. Vol. 30. No. 2. P. 225–248.
- Mol A. (1999) Ontological Politics. A Word and Some Questions//The Sociological Review. Vol. 47. No. 1_suppl. P. 74–89.
- Newman O. (1972) Defensible Space. New York: Macmillan.
- Newman O., Franck K.A. (1982) The Effects of Building Size on Personal Crime and Fear of Crime//Population and Environment. Vol. 5. No. 4. P. 203–220.
- Osofsky G. (1966) Harlem: The Making of a Ghetto. New York: Harper & Row.
- Small M.L. (2008) Four Reasons to Abandon the Idea of “the Ghetto”//City and Community. Vol. 7. No. 4. P. 389–398.
- Tammaru T., Van Ham M., Marcińczak S., Musterd S. (2015) A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities//Socio-Economic Segregation in European Capital Cities/T. Tammaru, M. Van Ham, S. Marcińczak, S. Musterd (eds.). London: Routledge. P. 25–53.
- Urban F. (2018) Large Housing Estates of Berlin, Germany//Housing Estates in Europe/D.B. Hess, T. Tammaru, M. Van Ham (eds.). Springer. P. 99–120.
- Urban F. (2012) Mass Housing in East and West Germany—Controversial Success and Ambivalent Heritage//Espacios Ambivalentes: Historias Y Olvidos En La Arquitectura Social Moderna. San Juan, Puerto Rico, Ediciones Callejón. P. 52–75.
- Vale L.J. (2002) Reclaiming Public Housing: A Half Century of Struggle in Three Public Neighborhoods. Harvard University Press.
- Venkatesh S.A. (2009) American Project: The Rise and Fall of a Modern Ghetto. Harvard University Press.
- Wacquant L. (1997) Three Pernicious Premises in the Study of the American Ghetto. International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 21. No. 2. P. 341–353.
- Wacquant L. (2007) Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality//Thesis Eleven. Vol. 91. No. 1. P. 66–77.

- Wacquant L. (2008b) Ghettos and anti-Ghettos: An Anatomy of the New Urban Poverty//Thesis Eleven. Vol. 94. No. 1. P. 113–118.
- Wacquant L. (2008a) Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Cambridge: Polity Press.
- Winner L. (1980) Do Artifacts Have Politics? Daedalus. Vol. 109. No. 1. P. 121–136.

LIUBOV CHERNYSHEVA

RUSSIAN *GHETTO*: THE IMAGINARY MARGINALITY OF NEW HOUSING ESTATES

Liubov A. Chernysheva, Research Fellow at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; PhD Candidate (University of Amsterdam); 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya street, Saint Petersburg, 190005, Russian Federation.

E-mail: l.a.chernysheva@gmail.com

Abstract

Since the beginning of the 2010s, the new housing developments on the urban outskirts have grown dramatically: the newly built residential areas are partly constructed under the federal “integrated urban development” program. The media and urban planning and development experts strongly criticize these housing estates for problems regarding the social and transport infrastructure, the height of the buildings and the quality of public spaces. They term these peripheral estates as “ghettos” in order to point out existing problems and to suggest that these urban areas will experience degradation in the future. In doing so, experts refer to Western modernist housing estates, which now have bad reputations. Based on the study of Severnaya Dolina (Parnas) housing estate in St. Petersburg, this article considers the emergence and transformation of the academic concept of the ghetto, analyzes local meanings that the term acquires, and traces the practices that produce new peripheral residential areas as *ghettos* (in local meaning). It shows how *the imarginality* (or imaginary marginality) of a residential area is produced: analytically it is represented through two interrelated imaginaries – *the present-ghetto* and *the future-ghetto*. The article presents a detailed analysis of the components of these imaginaries employed by the media and urban development and planning experts. The empirical research demonstrates that *the present-ghetto* imaginary has no empirical grounds in the case of Severnaya Dolina. The article also highlights the performative effects of the ghetto category: *the imarginality* of a residential area can trigger the mechanisms that are inherent in the process of *ghettoization*.

Key words: ghetto; ghettoization; marginality; urban periphery; housing; new housing development

Citation: Chernysheva L. (2019) Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 37–58 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp42201937-58>

References

- Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 28, no 3, pp. 801–831.
- Blokland T. (2008) From the Outside Looking in: A “European” Perspective on the Ghetto. *City & Community*, vol. 7, no 4, pp. 372–377.
- Bristol K.G. (1991) The Pruitt-Igoe Myth. *Journal of Architectural Education*, vol. 44, no 3, pp. 163–171.
- Butler J. (2013) *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York: Routledge.
- Chaddha A., Wilson W.J. (2008) Reconsidering the “Ghetto”. *City & Community*, vol. 7, no 4, pp. 384–388.
- Chayun YU. (2017) Padat’ nekuda: kvartiry budut dorozhat’ [Nowhere to fall: apartments will rise in price]. *BN.ru Sankt-Peterburg* [BN.ru Saint Petersburg]. Available at: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/238443/> (accessed 08.09.19). (in Russian).
- Chernov I. (2014) «Ya by ne stala govorit’ o getto»: Sotsiolog schitayet, chto opaseniya SK po povodu migrantov preuvelicheny [“I would not talk about the ghetto”: A sociologist believes that the fears of the UK about migrants are exaggerated]. *Vzglyad* [View]. Available at: <https://vz.ru/society/2014/1/29/670148.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Chernysheva L.A. (2020) Onlayn i oflayn konflikty vokrug gorodskoy sovместnosti: zabota o gorodskom prostranstve na territorii bol’shogo zhilogo kompleksa [Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing estate]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 23, no 2, pp. 36–66. (in Russian)

- Chernysheva L., Sezneva, O. (2020) Commoning Beyond 'Commons': The Case of the Russian 'Obshcheye'. *The Sociological Review*, vol. 68, no 2, pp. 322–340.
- Chto delat' s Parnasom i podobnymi zhilyimi kompleksami? (2016) [What to do with Parnassus and similar residential complexes?]. *Blog Il'iy Varlamova* [Il'ya Varlamov's Blog]. Available at: <https://varlamov.ru/2085839.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Chto luchshe vybrat': Devyat'kino, Kudrovo ili Parnas? (2019) [Which is better to choose: Devyat'kino, Kudrovo or Parnas?]. *Portal SPBHomes.ru*. Available at: https://spbhomes.ru/science/devyat'kino_kudrovo_ili_parnas/ (accessed 08.06.19). (in Russian)
- Chudesa "Severnoy Doliny" (2010) [Miracles of the "Northern Valley"]. *Delovoy Peterburgyu* [Business Petersburg]. Available at: https://www.dp.ru/a/2010/10/06/CHudesa_Severnoj_Dolini (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Dlya nas vse ob"yekt'y v priorit'etakh (2011) [For us, all objects are in priority]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1826435?query=%22%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%22> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Fariás I. (2011) The Politics of Urban Assemblages. *City*, vol. 15, no 3-4, pp. 365–374.
- Fariás I., Bender T. (eds.) (2012) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*. London, New York: Routledge.
- Gerasimova E. (2000) Sovetskaya kommunal'naya kvartira kak sotsial'nyy institut: istoriko-sotsiologicheskyy analiz [Soviet communal apartment as a social institution: historical and sociological analysis]. PhD dissertation. St. Petersburg. (in Russian)
- Gerasimova K., Chuykina S. (2000) Ot kapitalisticheskogo Peterburga k sotsialisticheskomu Leningradu: izmeneniye sotsial'no-prostranstvennoy struktury goroda v 30-ye gody [From capitalist Petersburg to socialist Leningrad: a change in the socio-spatial structure of the city in the 30s]. *Normy i tsennosti povsednevnoy zhizni: Stanovleniye sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–30-ye gody* [Norms and values of everyday life: Formation of a socialist lifestyle in Russia, 1920–1930s.], pp. 27–74. (in Russian)
- Gubernator Sankt-Peterburga V.I. Matvienko provela rabocheye soveshchaniye na stroyploshchadke «Severnaya dolina» (2010) [Governor of St. Petersburg V.I. Matvienko held a workshop at the construction site of the Northern Valley]. *Sayt «Severnoy doliny»* [Website of the Northern Valley housing estate]. Available at: <https://sevdol.ru/news/2010/gubernator-sankt-peterburga-v-i-matvienko-provela-rabocheye-soveshchaniye-na-stroyploshchadke-severnoy2/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Haynes B., Hutchison R. (2008) The Ghetto: Origins, History, Discourse. *City & Community*, vol. 7, no 4, pp. 347–352.
- Hommels A.M. (2009) Changing Obdurate Urban Objects: The Attempts to Reconstruct the Highway through Maastricht. *Urban Assemblages. How Actor-Network theory Changes Urban Studies*/I. Fariás, T. Bender (Eds.). London, New York: Routledge, pp. 139–159.
- Jacobs J.M. (2006) A Geography of Big Things. *Cultural Geographies*, vol. 13, no 1, pp. 1–27.
- Jacobs J. (2015) Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov [Death and life of large American cities]. M.: Novoye izdatel'stvo. (in Russian)
- Koplanov A. (2004) Getto po-peterburgski [Ghetto in Petersburg]. *RosBalt*. Available at: <http://www.rosbalt.ru/main/2004/10/19/181922.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Koshmar pod kontrolem (2015) [A nightmare under control]. *Vecherniy Peterburg* [Evening Petersburg]. Available at: <http://www.vppress.ru/stories/Koshmar-pod-kontrolem-i-soglasna-grafika-13987> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Kosmarskiy A. (2017) «Fakticheski my proyektiruyem getto»: sotsiolog o sovremennom urbanizme ["In fact, we design the ghetto": a sociologist on modern urbanism]. *Indikator* [Indicator]. Available at: <https://indikator.ru/article/2017/01/23/fakticheski-my-proektiruyem-getto/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Kovács Z. (1998) Ghettoization or Gentrification? Post-Socialist Scenarios for Budapest. *Netherlands Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 13, no 1, pp. 63–81.
- Krause M. (2016) 'Western Hegemony' in the Social Sciences: Fields and Model Systems. *The Sociological Review*, vol. 64, no 2_suppl, pp. 194–211.
- Kvartiry na pike sprosa (2012) [Apartments at the peak of demand]. *Moskovskiy Komsomolets* [Moscow's comsomolets]. Available at: <http://spb.mk.ru/articles/2012/02/29/676756-kvartiry-na-pike-sprosa.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Lambotskaya N. (2017) Parnas: ot zhivopisnogo kholma do uyutnogo mikrorayona [Parnas: from a picturesque hill to a cozy neighborhood]. *Moskovskiy Komsomolets* [Moscow's comsomolets]. Available at: <http://spb.mk.ru/articles/2017/11/17/parnas-ot-zhivopisnogo-kholma-do-uyutnogo-mikrorayona.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical inquiry*, vol. 30, no 2, pp. 225–248.
- Lebina N.B. (1999) Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii: 1920-1930 gody [Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies: 1920–1930]. SPb.: Zhurnal "Neva". (in Russian)

- Luchko L. (2019) Zarplata poseredine. Srednyaya zarplata peterburzhtsev po-prezhnemu ne dotyagivayet do ofitsial'noy [Salary in the middle. The average salary of Petersburgers still falls short of the official]. *Delovoy Peterburg* [Business Petersburg]. Available at: https://www.dp.ru/a/2019/01/20/Zarplata_poseredine (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Lyudi rassmatrivayut kvartiru kak "tikhuyu gavan" dlya sokhraneniya sberezheniy (2014) [People see the apartment as a "safe haven" for saving]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2622945?query=%22%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%22> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Medvedeva Y. (2018) Mneniye: Era kamennykh getto na granitse Peterburga i Lenoblasti zakanchivayetsya [Opinion: The era of stone ghettos on the border of St. Petersburg and the Leningrad region ends]. *Nevskoye Novosti* [Nevsky News]. Available at: <https://nevnov.ru/607302-era-kamennykh-getto-na-granice-peterburga-i-lenoblasti-zakanchivayetsya> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Mol A. (1999) Ontological Politics. A Word and Some Questions. *The Sociological Review*, vol. 47, no 1_suppl, pp. 74-89.
- Nesterova K, Logvin I. (2016). Novoye getto: kakoye budushcheye zhdet «muraveyniki» Peterburga [New ghetto: what future awaits the "anthills" of St. Petersburg]. *Karpovka*. Available at: <https://karpovka.com/spec2016/3> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Newman O. (1972) *Defensible Space*. New York: Macmillan.
- Newman O., Franck K.A. (1982) The Effects of Building Size on Personal Crime and Fear of Crime. *Population and Environment*, vol. 5, no 4, pp. 203–220.
- Nikitina Y. (2008) Getto dlya gastarbayerov – "Malyy Peterburg" [Ghetto for migrant workers – "Small Petersburg"]. *Fontanka.ru*. Available at: <https://www.fontanka.ru/2008/08/06/116/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Nikulina O. (2017) Novostroyki Peterburga vykhodyat na novyy uroven' [New buildings in St. Petersburg go to a new level]. *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomol truth]. Available at: <https://www.spb.kp.ru/daily/26683/3706305/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Novyye rayony Pitera. Khoteli by tak zhit'? (2016) [New areas of St. Petersburg. Would you like to live like that?]. *Blog Il'i Varlamova* [Ilya Varlamov's blog]. Available at: <https://varlamov.ru/1869299.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Osofsky G. (1966) *Harlem: The Making of a Ghetto*. New York: Harper & Row.
- Peterburzhtsy menyayut kachestvo zhizni (2012) [Petersburgers change the quality of life]. *Komso-*
- mol'skaya Pravda* [Komsomol truth]. Available at: <https://www.spb.kp.ru/daily/25907/2863644/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Pochemu mnogoetazhnyye spal'nyye mikrorayony – eto plokho (na primere peterskogo Parnasa) (2016) [Why multi-storey sleeping neighborhoods are bad (for example, St. Petersburg's Parnas)]. *Blog Il'i Varlamova Varlamova* [Ilya Varlamov's blog]. Available at: <https://varlamov.ru/1873609.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Ponayekhavshiye na rynek zhil'ya (2013) [Those who come to the housing market]. *BKN.RU* Available at: https://www.bkn.ru/Niedvizhimost/Raiony/2878-Ponaiekhavshiie_na_rynok_zhilia.html (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Problemy na «Parnase» (2016) [Problems at "Parnas"]. *Videosyuzhet Top.spb.tv* [Video at Top.spb.tv.]. Available at: <https://topspb.tv/programs/stories/461010/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Pyat' etapov prevrashcheniya v getto na primere Murino (2019) [Five stages of becoming a ghetto using the example of Murino]. *YouTube kanal Il'i Varlamova* [Ilya Varlamov's YouTube channel]. Available at: <https://youtu.be/qLhcXgVZaII> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Shapovalova T. (2015) Novoye russkoye getto [The New Russian Ghetto]. *Nevskoye vremya* [Neva Time]. Available at: <https://nvspb.ru/2015/02/28/novoe-russkoe-getto-56865> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Small M.L. (2008) Four Reasons to Abandon the Idea of "the Ghetto". *City and Community*, vol. 7, no 4, pp. 389–398.
- Soshnikov A. (2013) Budushcheye Peterburga: getto dlya migrantov v «spal'nikakh» ili neboskreby v istoricheskom tsentre [The future of St. Petersburg: a ghetto for migrants in sleeping areas or skyscrapers in the historical center]. *Moy rayon – MR7.ru* [My district – MR7.ru]. Available at: <https://mr-7.ru/articles/84306/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Srednyaya zarabotnaya plata odnogo rabotnika v Sankt-Peterburge, nachislennaya za oktyabr' 2018 goda (2018). [The average salary of one employee in St. Petersburg, accrued for October 2018]. *Petrostat*. Available at: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/0764d-40048329c1eb5b2bdf8830b115d/ZR101840.pdf (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Tammaru T., Van Ham M., Marcińczak S., Musterd S. (2015) A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities*/T. Tammaru, M. Van Ham, S. Marcińczak, S. Musterd (eds.). London: Routledge, pp. 25–53
- Tolstoy I, Chudinova O. (2016) U nas getto poka net. No potentsial imeyetsya [We have no ghetto yet. But

- there is potential]. *Stroitel'stvo* [Building]. Available at: <https://rcmm.ru/ekonomika-i-biznes/24471-unas-getto-poka-net-no-potencial-imeetsya.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Trofimova A, Sakharova E. (2018) Odná iz glavnykh oshibok Sankt-Peterburga – stroitel'stvo getto vokrug kol'tsevoy dorogi [One of the main mistakes of St. Petersburg is the construction of a ghetto around the ring road]. *Portal Novostroy-SPb*. Available at: https://www.novostroy-spb.ru/intervyu/odna_iz_glavnyh_oshibok (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Urban F. (2012) Mass Housing in East and West Germany – Controversial Success and Ambivalent Heritage. *Espacios Ambivalentes: Historias Y Olvidos En La Arquitectura Social Moderna*. San Juan, Puerto Rico, Ediciones Callejón, pp. 52–75.
- Urban F. (2018) Large Housing Estates of Berlin, Germany. *Housing Estates in Europe*/D.B. Hess, T. Tamaru, M. Van Ham (eds.). Springer, pp. 99–120.
- Urban F. (2019) Bashnya i korobka [Tower and Slab]. M.: Strelka Press. (in Russian)
- Uspet' do shkoly: kak obstoyat dela s detsadami v Peterburge i oblasti (2016) [To catch up to school: how things are with kindergartens in St. Petersburg and the region]. *Karpovka*. Available at: <https://karpovka.com/2016/01/18/272067/> (accessed 08.09.19) (in Russian)
- Vale L.J. (2002) Reclaiming Public Housing: A Half Century of Struggle in Three Public Neighborhoods. Harvard University Press.
- Vavilova E. (2017) KOTy vyshli na rekord [IUDs reached the record]. *Fontanka.ru*. Available at: <https://www.fontanka.ru/2017/11/08/114/> (accessed 08.09.19). (in Russian).
- Venkatesh S.A. (2009) American Project: The Rise and Fall of a Modern Ghetto. Harvard University Press.
- Vol'yanova S. (2019) Parnas, Kudrovo i Devyatkino – eto peterburgskiye getto? Otvechayut sotsiologi i urbanisty [Is Parnas, Kudrovo and Devyatkino the St. Petersburg ghettos? Sociologists and urbanists answer]. *Gazeta «Bumaga»* [Newspaper “Paper”]. Available at: <https://paperpaper.ru/campus/parnas-kudrovo-i-devyatkino-eto-pete/> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Voslenskiy M. (1991) Nomenklatura [Nomenclature]. «Sovetskaya Rossiya» sov. s MP «Oktyabr». (in Russian)
- Wacquant L. (1997) Three Pernicious Premises in the Study of the American Ghetto. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 21, no 2, pp. 341–353.
- Wacquant L. (2007) Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality. *Thesis Eleven*, vol. 91, no 1, pp. 66–77.
- Wacquant L. (2008b) Ghettos and anti-Ghettos: An Anatomy of the New Urban Poverty. *Thesis Eleven*, vol. 94, no 1, pp. 113–118.
- Wacquant L. (2008a) Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality. Cambridge: Polity Press.
- Winner L. (1980) Do Artifacts Have Politics? *Daedalus*, vol. 109, no 1, pp. 121–136.
- Wirth L. (2005) Getto. Wirth Luis. Izbrannyye raboty po sotsiologii [Ghetto. L. Wirth. Selected works on sociology]. M: INION, pp. 178-191. (in Russian)
- Yakhontov O. (2014) Depressivnyye kvartaly: v Peterburge poyavlyayutsya migrantskiye getto [Depressive quarters: migrant ghettos appear in St. Petersburg]. *Vesti.ru*. Available at: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1232664&cid=1> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- Zhiteli Parnasa vozmutilis' postom blogera Varlamova, sravnivshego rayon s getto (2016) [Residents of Parnassus were indignant at the post of blogger Varlamov, who compared the area with the ghetto]. Blog Il'i Varlamova [Ilya Varlamov's blog]. Available at: <https://varlamov.ru/1872152.html> (accessed 08.09.19). (in Russian)
- ZhK «Severnaya dolina»: «muraveynik», no s infrastrukturoy (2017) [LHE “Northern Valley”: “anthill”, but with infrastructure]. *Portal Living.ru*. Available at: <http://living.ru/spb/expert/tainyi-pokupatel/zhk-severnaya-dolina-muraveynik-no-s-infrastrukturoy/> (accessed 08.09.19). (in Russian)